

ГЛАВА 1

Поезд шел на юг. Глеб Шубин лежал на второй полке и смотрел в окно на плывущие мимо пейзажи. В течение первого года войны он видел только лесные края Смоленщины и Подмоскovie. Здесь же после Рязани пошли совсем другие места. Все шире открывались степи, меньше стало лесов, больше распаханых полей. «А ведь в районе Сталинграда, наверное, лесов и вовсе не будет, — думал он с нарастающей тревогой. — Как же там разведку проводить? Как к немцам подбираться?»

На календаре было 12 октября, и сейчас все мысли Шубина были о предстоящем месте службы. Этим местом был определен Сталинградский фронт. Шубин был назначен заместителем начальника разведки фронта. Ему предстояло явиться в штаб фронта, расположенный в поселке Райгород, и доложить о прибытии своему новому начальнику, полковнику Ивану Трофимовичу Уколову, который возглавлял разведку фронта. Что представляет собой полковник Уколов, Шубин не знал. Тем более он не знал, что представ-

ляет собой командующий фронтом генерал Андрей Иванович Еременко.

До сих пор Шубину везло на начальников. Особенно хорошие отношения у него сложились с командующим 20-й армией генералом Рейтером. А как будет на новом месте? Этого Шубин не знал, и это его тревожило.

Вообще настроение у него было смутное. С одной стороны, радостное — ведь ему предстояло служить на новом месте. В месте, где, по всем приметам, по разговорам, должна была решиться судьба войны. Это тебе не периферийный Ржев, который не на всякой карте найдешь.

А с другой стороны, Шубина огорчало, что ему так и не довелось повидаться с легендарным генералом Жуковым. А ведь это он, Жуков, узнав о толковом разведчике из 20-й армии, вызвал его в штаб Западного фронта, где оставил приказ о направлении Шубина в Сталинград. Но самого генерала к этому времени в Волоколамске уже не было — он уехал в Москву, где был назначен на должность заместителя Верховного главнокомандующего. А жаль! Шубин мечтал увидеть знаменитого полководца, может быть, даже служить под его началом. Но, как видно, не судьба.

В Саратове поезд стоял больше часа. Узнав, что на привокзальной площади действует столовая для военных, Шубин направился туда. Здесь он смог поесть горячей пищи — борща и кар-

тошки с котлетой. Правда, и в том и в другом блюде мяса было не очень много, но что делать.

На перроне Шубин разговорился с сержантом, выглянувшим во время стоянки из соседнего поезда. Правда, этот поезд шел не на юг, а в обратном направлении — на север, в Куйбышев. И был он целиком заполнен ранеными. Сержант, с которым разговорился Шубин, ходил на костылях, приволакивая правую ногу. Звали его Геннадием. Он охотно сообщил, что был ранен в самом Сталинграде, в боях возле Тракторного завода. И теперь его везут на долечивание в госпиталь в Куйбышев. Узнав, что Шубин едет в Сталинград, Геннадий только покрутил головой.

— Посмотрите, товарищ капитан, как там воюют, — сказал он. — Думаю, вы такого еще не видали. Вы ведь как привыкли? Тут наши окопы, а там, метрах в ста, немецкие. А в Сталинграде вообще никаких окопов нет. И немцы живут прямо рядом с тобой, по соседству.

— Это как же без окопов? — удивился Шубин.

— А так, — ответил его новый знакомый. — Мы занимаем, допустим, второй этаж дома, а немцы первый. И сражаемся за лестничную площадку. Если они нас припрут окончательно, отступим на третий этаж, а потом на крышу. Но мы зубами держимся за каждый метр и не отступаем. Или так: мы по одну сторону заводской

стены, а фрицы по другую. И то они нас атакуют, то мы их.

— Но ведь в таких условиях и глаза закрыть нельзя! — воскликнул Шубин. — Все время надо быть начеку.

— Так и есть, — кивнул Геннадий. — Спим по очереди, едим тоже по очереди. Причем едим то, что удается добыть. С водой тоже проблемы — пить иногда приходится растопленный снег. А он весь грязный... В общем, в Сталинграде своя война, какой еще никто не видел. А еще я вам расскажу...

Но тут состав, заполненный ранеными, дернулся, и новый знакомый Шубина заторопился, стал забираться на подножку вагона. Так он и не успел рассказать свою историю...

Вскоре и состав, в котором ехал Шубин, продолжил свой путь на юг. Он выбрался из города и подъехал к железнодорожному мосту через Волгу. Все подъезды к мосту были уставлены зенитными орудиями.

— Что, неужели здесь тоже немцы бомбят? — спросил кто-то из сидевших на нижней полке.

— И еще как бомбят! — ответил кто-то, как видно, местный, саратовский житель. — Каждую ночь по двадцать, по тридцать «Юнкерсов» налетают. Мост хотят разбомбить, перекрыть нашу дорогу к Сталинграду.

Поезд благополучно пересек Волгу и покатил дальше. На каком-то разъезде он круто повернул

на юг и теперь ехал по степи. Прошли еще сутки, и состав прибыл на станцию, где надолго остановился. Все сразу стали собираться и выходить.

— Все, капитан, приехали, — обратился к Шубину один из соседей.

— А что, дальше поезд не пойдет? — спросил Глеб.

— Поезд пойдет, он теперь до самой Астрахани идет. Но туда мало кто едет. Здесь, в Баскунчаке, выходят все, кому надо в Сталинград. Теперь нам надо добраться до переправы через Волгу, а там предстоит самая сложная задача — переправиться. Тебе куда — к Чуйкову, на «Баррикады», или на «остров Людникова»?

— Нет, мне надо в штаб фронта, в поселок Райгород, — ответил Шубин.

— Ну, тогда тебе на Ахтубу, там еще одна переправа есть. И надо, чтобы тебя туда подвезли.

Шубин вышел из вагона. Повсюду сновали люди, искали машины, которые отвезут их в свою часть. Не сразу, с трудом, но нашел свою полуторку и Шубин. В кузов машины набилось человек двадцать. Но вот все сели, однако машина не спешила отъезжать от станции.

— Почему не едем, не знаешь? — спросил Глеб у соседа.

— Так светло еще, — спокойно ответил тот. — Надо ждать, пока стемнеет. Немцы бомбят и станцию, и переправы. Но там стоят зенитки,

и они побаиваются. А на дороге нас никто не защитит. Налетит «мессер» — все, считай, конец. Здесь, в степи, от него не укроешься. Так что будем ждать темноты.

Машина простояла на станции почти час. Наконец, когда уже совсем стемнело, они тронулись в путь. Ехали, не включая фар. Как водитель находил дорогу в полной темноте, оставалось только гадать. Но как-то находил. Дорога была ужасной, несколько раз Шубину казалось, что сейчас машина опрокинется.

Но вот в небе послышался шум моторов, и низко, над самыми головами сидевших в кузове людей, пролетели шесть самолетов. Они двигались с запада на восток, и, хотя в темноте опознавательные знаки видны не были, не приходилось гадать, чьи это самолеты.

— А наши летуны, что же, не отгоняют фрицев? — снова начал Шубин спрашивать соседа.

— Да, что-то не очень их видно, — ответил тот. — Наверно, не хватает...

— Нет, тут другое дело, — вмешался в разговор еще один военный. — Самолетов у нас должно хватить. Я вот своими глазами видел, как возле Баскунчака каждый день по десять-двенадцать штук садятся. Но их для чего-то берегут, не используют в боях.

Наконец впереди в свете звезд блеснула водная гладь. По наведенному саперами мосту они пере-

ехали реку Ахтубу и покатали дальше, к Волге. Здесь предстояла пересадка на кораблик, курсировавший между двумя берегами великой реки.

Едва отчалили от берега, как снова послышался гул самолетов. На этот раз вражеские истребители не пролетели мимо, а, развернувшись, пошли низко над водой. Раздался стрекот пулеметов. И тут же на обоих берегах заговорили зенитные орудия. Шубин слышал, как пулеметная очередь ударила в воду сразу за кормой их корабля. Но на второй заход немцы не пошли: развернувшись, улетели на север.

— Пошли Шестьдесят вторую армию бомбить, — заключил человек, стоявший на палубе рядом с Шубиным. — Да, им больше всех этого добра достается.

Но вот наконец нос корабля уткнулся в песок. Все стали выгружаться и расходиться в разные стороны. Глеб нашел группу, которой нужно было туда же, куда и ему, — в Райгород. Правда, эти люди направлялись не в штаб, а в части, стоявшие рядом с селом.

Шубин уже настроился на то, что ему придется добираться до места назначения пешком — а это больше десяти километров, — но тут ему повезло. Подвернулась попутная машина, которая смогла подвезти его почти до самого штаба.

Шел уже второй час ночи, когда капитан подошел к штабу фронта. Предъявил часовому свои документы, а пока тот их изучал, спросил:

— А в штабе кто-нибудь сейчас есть? С кем можно увидеться?

— Сейчас там только дежурный, — ответил часовой. — Вот с ним и поговорите. Сегодня дежурит заместитель начальника штаба армии полковник Цымбалюк, Григорий Иванович.

Шубин вошел в помещение штаба. Миновав маленькую приемную, он проследовал дальше, в большую комнату, где, как видно, и работал штаб. Сейчас здесь было пусто и темно. Слабый свет виднелся в еще одной, небольшой комнате. Шубин направился туда. Здесь на кушетке сидя дремал немолодой полковник. Рядом с ним на столике стояли три телефонных аппарата.

Шубин кашлянул, привлекая к себе внимание. Полковник открыл глаза, взглянул на вошедшего. Взгляд у него был совсем не сонный — пронизательный, цепкий. Видя, что дежурный по штабу проснулся, Глеб доложил:

— Капитан Шубин из резерва Ставки. Прибыл в распоряжение начальника фронтовой разведки полковника Уколова.

— Прямо из Ставки? — хриплым голосом спросил Цымбалюк. — Это не часто бывает, чтобы из резерва Ставки...

Он встал, шагнул к Шубину. Выяснилось, что полковник значительно ниже Глеба ростом. А еще на близком расстоянии Шубин заметил, что полковник выглядит крайне уставшим. Глаза у него были красные, воспаленные, китель помялся. Было такое впечатление, что заместитель начальника штаба фронта давно не раздевался и спал, как сейчас, — сидя у стола.

— Значит, разведчик... — продолжал говорить Цымбалюк. Голос у него был хриплый, как у человека, которому приходится много говорить по телефону, скорее даже кричать. — Ну, разведчик — это еще более редкая птица, чем человек из резерва Ставки. Разведчики нам нужны. Хотя трудно сказать, кто нам сейчас не нужен... Значит, сделаем так. Сейчас, капитан, отправляйся ты спать. Как выйдешь из штаба, пойдешь дальше по улице в сторону Волги. Идти минут десять. По правую руку будет длинный такой дом. Зайдешь туда, там для тебя найдется свободная койка. В доме у нас собирается сводный батальон из вновь прибывших людей. Пока ты будешь идти, я позвоню дежурному, предупрежу его. А завтра в восемь утра чтобы был здесь. Представишься полковнику Уколову, а также командующему. Они и определяют твою дальнейшую судьбу. Постой, а ты, может, голодный?

— Спасибо, товарищ полковник, у меня еще часть пайка осталась, — ответил Шубин.

— Вот и славно. А то в столовой, кроме хлеба, все равно ничего не найдется. Да, имей в виду — столовая в другой от Волги стороне. Значит, завтра с утра сходишь позавтракаешь, и в восемь чтобы был здесь. Имей в виду: Андрей Иванович опозданий не любит. Все, ступай.

Шубин покинул штаб и отправился разыскивать место для ночлега. Искать долго не пришлось: полковник Цымбалюк описал точно, где именно находится нужный дом. Дежурный проводил вновь прибывшего в комнату, указал на свободную койку. В темноте капитан успел разглядеть немного: только то, что в комнате, впри-тык одна к другой, стоят еще восемь коек, и все они заняты.

— Только вы извините, товарищ капитан, но белья постельного у нас нет, — прошептал ему дежурный. — Вчера бомбежка сильная была, белье не довели.

— Ладно, я и так посплю, — ответил Шубин.

Он скинул сапоги, гимнастерку, залез под одеяло — и спустя минуту уже спал крепким сном.

Проснулся Глеб в начале седьмого без всякого будильника. Такая уж у него была способность — просыпаться в назначенное время. Он отыскал в коридоре умывальник, умылся, натянул гимнастерку и уже собирался идти на завтрак, когда заметил, что с соседней койки за ним внимательно наблюдает парень лет 25, черноволосый,

кареглазый и с таким же внимательным взглядом, какой он вчера заметил у дежурного по штабу. Когда их взгляды встретились, сосед произнес:

— Доброе утро, товарищ капитан. Хотя для вас оно вряд ли такое доброе — спать вам, кажется, мало пришлось.

— Ничего, позже высплюсь, — ответил Шубин. — Вот думаю: брать на завтрак шинель или тут оставить?

— Да оставьте тут, что с ней сделается, — сказал сосед. — Разве что «Юнкерс» бомбу точно на наш дом сбросит.

Видимо, решив, что дальше разговаривать с капитаном в таком положении, лежа, неудобно, сосед встал и произнес:

— Лейтенант Григорий Гришин. Я тоже только вчера сюда прибыл.

— Капитан Глеб Шубин, — сказал тот, протягивая руку лейтенанту. — Фронтная разведка.

— О, разведчик! — уважительно заметил Гришин. — Это здорово. А я из пехоты, из десятой дивизии НКВД.

«Как?! И тут НКВД?» — мелькнуло в голове Шубина. Видно, выражение его лица изменилось, и лейтенант Гришин это заметил.

— Понимаю, что вы сейчас подумали, — произнес он. — Заградотряды, приказ «Ни шагу назад!» и так далее. Может, нас бы и направили на усиле-

ние заградотрядов, только тут немцы больно быстро к городу подошли. И оказалось, что, кроме нас, Сталинград защищать некому. И бросили нас на передовую, сдерживать танки Гота. И мы их сдержали, товарищ капитан! Половина наших ребят на подступах к городу полегла, а вторая половина — при защите вокзала и станции. В живых, как я, немногие остались. Вот почему мы, оставшиеся, и считаем себя скорее пехотинцами, чем особистами.

— Понятно... — произнес Шубин. Он и раньше слышал о частях НКВД, которые оказывали ожесточенное сопротивление немцам в первые месяцы войны, сражаясь в пограничной полосе. Но вживую сталкиваться с участниками тех боев ему не приходилось. Со словом «НКВД» у него были связаны не очень хорошие воспоминания.

Между тем лейтенант Гришин, как видно, не был склонен обижаться. И заминку, случившуюся с Шубиным во время знакомства, воспринял совершенно спокойно.

— Если вы минут пять подождете, то вместе пойдем завтракать, — произнес он. — Заодно покажу, где столовая находится, — ее не так просто найти.

— Хорошо, пять минут подожду, — согласился Глеб.

А через несколько минут они уже шагали по улицам поселка. Сейчас, при свете дня, Шубин

заметил то, что ускользнуло от его внимания ночью: большая часть улиц была затянута маскировочной сеткой, а в нескольких местах, прямо на улице, располагались зенитные батареи.

— Что, поселок сильно бомбят? — спросил он.

— Бомбят, — кивнул тот. — В основном ночью, но и днем прилетают. Пользуются тем, что истребителей у нас мало.

Они прошли несколько домов, свернули раз, другой и остановились перед дверью, напоминавшей дверь блиндажа.

— Это что — столовая? — удивился Шубин.

— Она и есть, — кивнул Гришин. — Это опять же из-за бомбежек. Все места, где скапливаются люди, стараются спрятать под землю. В Сталинграде вообще все под землей живут.

Они спустились по ступенькам и оказались в столовой. Она была ярко освещена светом керосиновых ламп. Шубин и Гришин предъявили свои продовольственные талоны и получили обед: по миске горячих щей и по куску мяса с картошкой. К удивлению Шубина, и в щах тоже было полно мяса. Завершал обед стакан компота.

— Это командующий добился, Андрей Иванович, — сказал Гришин, видя удивление Шубина. — Он большое значение придает тому, как армию снабжают. У него солдаты голодными не сидят.

Допивая компот, Шубин взглянул на часы. Времени оставалось как раз столько, чтобы вер-

нуться на место ночлега, взять шинель и вещмешок и дойти до штаба.

— Мне спешить надо, — объяснил он своему спутнику. — К восьми часам назначено явиться в штаб.

— Значит, пошли быстрее, — отозвался лейтенант. — Опаздывать нельзя.

На часах было без пяти минут восемь, когда Шубин вошел в штаб фронта. В приемной его встретил молодой подтянутый адъютант в звании капитана. Глеб предъявил капитану документы и объяснил, что ему надо видеть начальника фронтовой разведки.

— Полковник Цымбалюк сейчас выехал на фронт, — ответил адъютант. — Вас примет командующий. Он в курсе. Как только освободится, я о вас доложу. Подождите здесь.

Шубин присел на табуретку в углу. Из большой комнаты доносился шум голосов. Через приемную каждую минуту проходили и пробегали люди. Всем надо было срочно решить какой-то вопрос с командующим. Было видно, что в штабе кипит работа.

Прошло примерно полчаса. На столе адъютанта тихонько звякнул звонок, и тот сразу прошел в главное помещение штаба. Вернувшись, он дал знак Шубину войти к командующему.

Глеб вошел в большую комнату, где ночью царили мрак и тишина, а теперь стоял дым коро-

мыслом. Возле стола толпились несколько офицеров. В центре находился невысокий человек в генеральском мундире, с простым крестьянским лицом. Очевидно, это и был командующий Сталинградским фронтом Андрей Иванович Еременко.

Шубин знал, что генерал Еременко родился в крестьянской семье и не получил должного образования. Но в военном деле, которому он посвятил всю свою жизнь, он знал все до последних мелочей. Генерал быстро вникал в любой вопрос, даже самый сложный, и так же быстро находил правильное решение этого вопроса. Зачастую эти решения удивляли всех своей неожиданностью, нестандартным подходом. Не случайно Еременко был известен в войсках как генерал успеха. И не случайно за время войны он командовал наибольшим количеством фронтов — девятью.

Увидев вошедшего, генерал спросил зычным командирским голосом:

— Капитан Шубин? Давай, подходи сюда.

Глеб подошел к столу и оказался в непосредственной близости от командующего фронтом.

— Генерал Рейтер рекомендует тебя как отличного разведчика, который может выполнить самое сложное задание, — сказал Еременко. — И у тебя будет случай показать, какой ты разведчик. Нам очень нужны хорошие разведчики. Но сейчас перед нами стоит другая задача. Сейчас

нам нужно выстоять в Сталинграде, не сдать город немцам. А они вчера начали новое наступление. Ломят со страшной силой, целую дивизию на один километр фронта бросили. Нам не хватает солдат. Поэтому слушай мой приказ, Шубин. Ты возглавишь батальон, который сейчас формируется здесь, в Райгороде. Называться он будет «отдельный пехотный батальон». Мы собираем солдат и офицеров, прибывших из госпиталей, прореживаем разные охранные соединения. Обойдемся пока без охраны — в Сталинграде воевать некому. Полный состав батальона, четыреста человек, мы не наберем. Но человек двести пятьдесят у тебя будет. Твоим временным штабом будет офицерское общежитие, где ты ночевал. К вечеру весь батальон должен быть вооружен и построен перед этим штабом. И в восемь вечера сядете на суда и отправитесь в Сталинград, к Чуйкову. Здесь по всем вопросам обращайся к полковнику Цымбалюку. Вот он, можешь познакомиться.

И командующий указал на полковника, стоявшего у дальнего конца стола.

— Мы с полковником уже знакомы, товарищ генерал, — ответил Шубин. — Ваш приказ понял. Разрешите выполнять?

— Разрешаю, выполняй, — кивнул Еременко. — Только еще два слова тебе скажу. Ты не подумай, что мы тебя насовсем решили из

разведчиков в пехотные офицеры перевести. Ты нам как разведчик очень нужен. Батальоном ты покомандуешь от силы неделю. А потом я или полковник Уколов тебя вызовем и дадим разведывательное задание. Понял? Все, теперь иди.

И Еременко вновь повернулся к столу, склонился над картой и возобновил обсуждение ситуации на фронте, прерванное появлением Шубина.

А разведчик обошел стол и подошел к полковнику Цымбалоку.

— Раз мне надо к вам обращаться со всеми вопросами, — сказал он, — то вопросы уже есть. Где я могу получить список бойцов и офицеров? Где получить вооружение? Смогут ли нас обеспечить боеприпасами и продуктовым пайком?

— Я вижу, капитан, ты времени зря не теряешь, — проговорил Цымбалюк. — С ходу вникаешь в новую обстановку. Что ж, это черта профессионального разведчика. Отвечаю на вопросы по порядку. Вот тебе список бойцов.

И полковник протянул Шубину три листа, кое-как соединенных скрепкой. Глеб взглянул на листы и отметил, что они были заполнены фамилиями, именами и званиями солдат. Причем, судя по почерку, составляли список разные люди и делали это в спешке: отдельные фамилии можно было разобрать с большим трудом.

— Список неполный, — продолжал полковник. — В нем и двухсот человек нет. Пополнять его будешь по ходу дела. Ты будешь сидеть у себя в штабе, то есть в офицерском общежитии, а я буду тебе направлять всех, кто прибывает в поселок с разных направлений. Теперь относительно оружия. Где здешняя столовая, знаешь?

— Да, я там уже был, кормят вкусно, — ответил Шубин.

— Дальше по улице, через три дома от столовой, помещаются склады. В одном твои бойцы получают винтовки и боезапас, в другом — продуктовый паек на два дня.

— А кто будет назначать командиров взводов и рот? — продолжал допытываться Шубин. — Вы или еще кто-то из штаба?

— Нет, назначать взводных и ротных будешь ты сам, — ответил Цымбалюк. — Понимаю, задача трудная. Но ты, я вижу, человек сметливый, глазастый. Разберешься, что за люди к тебе прибывают. Сам всех и выберешь. Все, давай, Шубин, действуй.

Капитан вышел из штаба и вновь направился вверх по улице к зданию, в котором провел ночь. По дороге он старался изучить полученный список личного состава. Он заметил в нем всего троих офицеров. Одним из них был как раз лейтенант Гришин, с которым Шубин успел утром познакомиться. Имелись также четверо сержантов. «Так,

командиров рот я назначу, — размышлял Шубин. — А вот половиной взводов у меня, выходит, будут командовать рядовые — так, что ли? Но, может быть, в течение дня еще пришлют сержантов?»

Войдя в общежитие, он обошел все помещения, по-хозяйски их осмотрел и выбрал под штаб небольшую комнату, в которой имелся стол и два стула. Правда, здесь стояли также четыре кровати, на которых сидели люди. А кроватям в помещении штаба было не место.

Шубин встал посреди комнаты и начал с того, что спросил у каждого, здесь находящегося, его фамилию и звание. Один, Степан Пономаренко, оказался сержантом, остальные были рядовыми. И все они значились в списке, полученном Шубиным в штабе. Тогда капитан, обращаясь к ним, произнес:

— Внимание, бойцы! Вы все включены командованием в состав отдельного пехотного батальона. Командиром батальона назначен я, капитан Шубин. Вечером мы отправимся защищать Сталинград. Штаб батальона будет здесь, в этой комнате. Так что быстро собирайтесь и найдите себе место в других помещениях. А тебе, Пономаренко, есть задание. Отыщи здесь, в общежитии, лейтенанта Гришина. Пусть срочно придет ко мне.

Четыре человека восприняли сообщение нового начальника без восторга, но и проявлять недовольство никто не решился. Сержант отпра-

вился искать лейтенанта Гришина, и спустя несколько минут тот появился. Шубин объяснил ему ситуацию, после чего сказал:

— Значит, так, лейтенант. Назначаю тебя командиром первой роты. Твоя задача — самому подобрать командиров взводов и солдат этих взводов. Да, и учти, что среди людей, кто здесь присутствует, всего четыре сержанта. Так что ты можешь взять себе только двоих.

— Что же, у меня взводом рядовой будет командовать? — удивился Гришин.

— Ты, если уже воевал, должен знать: бывают такие рядовые, которые двух офицеров стоят, — ответил Шубин. — Вот найди такого бойкого, понятливого, и назначь. И вот еще что: пришли ко мне еще двух лейтенантов, которые есть в этом списке. И учти: к двенадцати часам формирование батальона должно быть закончено. В двенадцать пойдем на склад, получать оружие. А вечером назначаю построение.

Так Шубин начал исполнять новые для себя обязанности. Все для него было новым. Он никогда не командовал частью крупнее роты, никогда не воевал в пехоте, никогда не занимался формированием новой части буквально с листа. Но он привык не теряться ни в каких обстоятельствах и сейчас действовал так же, как привык действовать во время рейдов в тыл врага: решать возникающие вопросы быстро, напористо.

Он познакомился еще с двумя лейтенантами, находившимися в общежитии, — Наумом Либером и Геннадием Котовым. Познакомился также и с сержантами, и с некоторыми рядовыми. И к двенадцати часам, к назначенному им самим сроку, формирование взводов и рот было завершено. Тогда Шубин приказал только что назначенным командирам построить свои подразделения в колонну, сам встал во главе этой колонны, и они пошли на склад получать оружие и паек. И тут же, не отходя далеко, поставив оружие в козлы и выставив возле них часовых, батальон отправился на обед.

После обеда в штаб Шубина продолжали прибывать люди, приезжающие в Райгород из Вязовки, Ахтубы и из других мест. Так в батальоне добавилось еще двадцать рядовых и один сержант. Но все равно выходило, что четырьмя взводами командовали рядовые.

В семь вечера, когда стало темнеть, Глеб построил свой батальон возле общежития. Он ходил вдоль строя, иногда спрашивал у того или иного бойца имя, иногда делал замечания. Значение этого построения состояло не в знакомстве с солдатами (хотя это тоже было важно), а в знакомстве солдат со своим командиром. Бойцы батальона должны были ощутить себя единым целым, должны были научиться узнавать своих командиров взводов и рот. А те — привыкнуть управлять своими бойцами.

Шубин уже собирался закончить построение и дать команду «Разойдись!», когда прибыл посыльный из штаба фронта. Он сообщил, что готовы суда, которые должны отвезти отдельный батальон Шубина в Сталинград. Тут же он вручил капитану приказ, подписанный полковником Цымбалюком. В нем отдельному батальону Шубина предписывалось прибыть в район Мамаева кургана, в распоряжение командующего 62-й армии генерала Чуйкова.

— Так что скорее давайте! — закончил свое сообщение посыльный. — Суда вас ждать не будут.

— Батальон, стройся! — скомандовал Шубин. — Напра-во! Шагом марш!

И батальон прямо с построения отправился на пристань.

ГЛАВА 2

До пристани надо было шагать больше часа. Когда они подошли к Волге, уже стемнело. У берега покачивались три речных судна. Даже в темноте было заметно, какие они древние. И не только древние, но и пострадавшие в боях: на трубах и бортах кораблей виднелись наскоро заделанные пробоины.

На каждый корабль могло поместиться не больше 70 человек. А в батальоне Шубина столько и было — всего 211 солдат и офицеров. «Так мы и не дотянули до двухсот пятидесяти человек, о которых говорил Цымбалюк», — подумал Шубин.

На каждое судно поместилось по одной роте. Шубин сел на корабль, на котором плыла первая рота лейтенанта Гришина. Вот погрузка закончилась, и корабли поспешно отошли от причала.

— А чего вы так спешите? — спросил Шубин у командира корабля.

— А чего тут стоять? — отозвался капитан. — Ждать, пока фрицы прилетят? У них пристань — место пристрелянное. Конечно, наши зенит-

чики их отгоняют, как могут, а все равно здесь лучше не стоять. На волжском просторе безопасней.

Суда шли между низких в этом месте волжских берегов. На обоих берегах не было видно ни одного огонька. Так они плыли час, и другой, и третий. Но вот впереди, слева по ходу движения корабля, то есть на западном берегу Волги показалось зарево. Оно ширилось, росло, и уже стало видно, что это многочисленные пожары.

— Вот он, Сталинград... — произнес Гришин, стоявший рядом с Шубиным. — Сейчас будем проходить район завода «Красный Октябрь», где воевала наша дивизия. Интересно, сейчас нам не в тех ли местах придется воевать?

— Нет, дальше, — ответил Шубин. — Нам приказано прибыть в распоряжение Чуйкова в районе Мамаева кургана.

— Да, это тоже известное место, — кивнул лейтенант. — Мамаев курган, кажется, трижды переходил из рук в руки.

Между тем на палубе происходило некое движение. Артиллерийские расчеты, сосредоточенные возле двух расположенных на корабле зенитных орудий, засуетились возле своих пушек. Они пристально всматривались в небо. И вскоре стало понятно почему. В небе послышался гул моторов, и вода перед носом корабля вспенилась от взметнувшегося разрыва.

— Вот, они всегда так, — прокомментировал происходящее Гришин. — Они чаще возле города нападают. Все же от пожаров какой-то свет идет, и им легче заметить подходящие к городу суда. Ну, а мы будем маневрировать, чтобы помешать им делать прицельное бомбометание.

И правда, корабль, на котором они плыли, взял резко вправо, прочь от берега. А потом так же резко пошел влево. Наверху снова послышался гул мотора, и тогда заговорили обе зенитки. Снарядные гильзы звенели, падая на палубу и скатываясь за борт. И эта стрельба помогла — бомбардировщик отвернул в сторону.

Снова и снова налетали на корабли немецкие самолеты, бомбы падали то дальше, то ближе. Но пока ни одна из них не попала в корабли, перевозившие батальон.

Район завода «Красный Октябрь» остался позади, они продолжали плыть мимо сражающегося города. Прошло еще полчаса, и капитан стал держать курс к берегу. Все ближе, ближе...

Шубин полагал, что здесь, как и в районе Райгорода, они найдут пристань для высадки. Однако на новом месте никакой пристани не оказалось. Корабль пристал к понтону, с которого на берег вела пара мостиков.

— Бегом давайте! — скомандовал капитан. — Здесь самое опасное место! Здесь не только бом-

бят, здесь они из орудий саят. Скорей, скорей! Нам еще раненых грузить надо!

Бойцов не нужно было подгонять: первая рота разгрузилась за считанные минуты. За ней последовали вторая и третья. И тут же с берега на корабли поспешили люди с носилками. Некоторые раненые ковыляли самостоятельно. Всей погрузкой раненых командовала какая-то девушка, которую было невозможно разглядеть в темноте. Только слышался ее приглушенный голос:

— Селезнева погрузили? Его аккуратно положить надо, он и так много крови потерял... Что, тяжелые все? Теперь давайте остальные!

Впрочем, Шубину некогда было следить за погрузкой раненых. Он начал было строить свой батальон на берегу, но тут услышал чей-то командный голос:

— Отставить построение! Рассредоточиться! Кто тут командир?

— Я командир, — откликнулся Глеб. — Командир батальона капитан Шубин. А вы кто?

— Капитан Светлицкий, — сказал человек и подошел к Шубину. — Меня послал Чуйков, чтобы тебя встретить, капитан, и сразу определить твою задачу. Сколько у тебя людей?

— Двести десять человек, — ответил Шубин.

— Ни хрена себе! Так мало! А обещали триста прислать! Пулеметы есть?

— Нет, только винтовки и запас гранат.

— Может, хотя бы ружье противотанковое вам дали?

— Нет, ружья тоже нет...

— Да что же у вас есть?! — в сердцах воскликнул Светлицкий. — Ладно, пошли. Только не строим! Тут строим не ходят — тут пробираются. Давай за мной по одному. И тихо.

И он направился к каким-то развалинам. Шубин скомандовал стоявшему рядом Гришину:

— Давай, лейтенант, иди за ним.

Сам он остался на месте. Надо было проследить, чтобы никто из ротных и взводных командиров ничего не перепутал, чтобы все следовали за посланцем генерала Чуйкова. И лишь когда последний солдат миновал капитана, Шубин вслед за ним двинулся вверх от берега.

Они шли между развалин каких-то складов, потом прошли короткий отрезок улицы, где стояли трехэтажные дома, когда-то жилые, а теперь наполовину разрушенные. И сквозь пролом в стене вошли в помещение, которое когда-то было заводским цехом. Здесь во множестве стояли токарные станки разного размера, железные лесенки вели наверх, где, как видно, раньше располагались конторки мастеров. Оглядевшись, Шубин различил своих солдат: они сгруппировались в правой половине цеха. А к Шубину подошел человек в телогрейке, без знаков различия.

— Приветствую, капитан, — сказал он. — Я командир второго батальона Тридцать шестой пехотной дивизии сержант Костюков.

— Как это — командир батальона — и сержант? — удивился Шубин.

— А чего ты хочешь? — грубовато отозвался Костюков. — Лейтенанта нашего, который батальоном командовал, два дня назад убили. А до него командиром был наш капитан Синица. Вот это был настоящий командир! Но его немецкий танк раздавил. Так что ни одного офицера у нас в живых не осталось, вот я и принял командование. Вовремя ты со своими людьми прибыл, капитан. Кстати, может, скажешь, как тебя звать? Воевать-то рядом будем, локоть к локтю.

— Зовут меня Глебом, фамилия Шубин, — ответил тот.

— А меня звать Вадимом, — назвал сержант. — Значит, смотри, какая у нас диспозиция, Глеб Шубин. Здесь, в токарном цехе, наша позиция. А соседний цех, сверлильный, занимает первый батальон нашего полка. Но от этого батальона осталось всего четырнадцать человек, так что им весь цех удерживать трудно. А ведь надо еще и заводской склад контролировать.

— А у тебя сколько людей, Вадим? — спросил Шубин.

— Сейчас осталось тридцать два человека.

Шубин был поражен. Он, конечно, слышал о больших потерях наших войск в Сталинграде. Но одно дело — потери вообще. А совсем другое дело узнать, что от батальона, в котором насчитывалось около четырехсот человек, осталось тридцать два.

— Неужели такие потери? — невольно воскликнул он.

— А ты как думал, они грибы пошли собирать? — усмехнулся Костюков. — У соседей еще меньше осталось, я же тебе говорил. А немцы продолжают наступать. Так что ты прибыл очень вовремя. Бери своих бойцов и тихонько проходи в сверлильный цех. Там найдешь командира батальона Ваньку Спирыгина. Звание у него, как и у меня — сержант. Он тебя будет ждать, я ему о тебе по рации сообщу. Да, кстати, а у тебя рация есть?

— Нет, рацию нам не выдали, — ответил Шубин, чувствуя себя довольно глупо. Получалось, что командование ничем не снабдило его, отправляя на такое опасное задание. А он не догадался спросить.

— Ничего, у меня запасная найдется, — успокоил Глеба Костюков. — Она у меня от командира третьего батальона осталась.

— А где же ваш третий батальон? — спросил Шубин.

— А нет его, — ответил Костюков. — Расформировали две недели назад, оставшихся бой-

цов передали соседям, на «Красный Октябрь». Вот, бери рацию. Вот переключатель частот. Вот это моя частота, а эта — командира нашего полка майора Воробьева. Будешь держать с нами связь. А для связи со Спирагиным тебе рация не нужна — вы с ним близкие соседи будете.

Весь этот разговор проходил под звуки автоматных очередей, раздававшихся поблизости. А к концу разговора очереди слились в сплошной грохот. И к нему добавился еще и грохот взрывающихся снарядов.

— Что, немцы в атаку пошли? — прокричал Шубин в самое ухо Костюкова, чтобы тот мог слышать.

— Нет, они до утра не пойдут, — покачал головой сержант. — Они ночью воевать не любят. Это они нас в напряжении держат, чтобы не расслаблялись. Но мы все равно все дела по матобеспечению ночью стараемся делать — днем не до этого. Да, кстати, чуть не забыл! Твоим людям надо же воды набрать. А то днем от жажды умрете.

— А где вы берете воду? — спросил Шубин. — Где здесь ближайшая колонка?

— Какая тебе колонка, капитан? — усмехнулся Костюков. — О колонках забудь, водопровод уже два месяца не работает. Воду только в Волге можно набрать. Так что соберите фляжки, вообще все емкости, какие есть, и топайте назад,

к Волге. Я с вами своего человека пошлю, чтобы вы с пути не сбились. Давай, капитан, действуй в темпе!

Шубин вернулся к своим бойцам, объяснил задание. И спустя несколько минут группа в шесть человек, нагруженная вещмешками с пустыми флягами, направилась к Волге. Сопровождал бойцов хмурый рядовой, которого Костюков выделил в провозатые. Их не было около получаса. Наконец бойцы вернулись, раздали всем фляги, и Шубин повел свой батальон занимать позицию в сверлильный цех.

Сержанта Спирягина, командира первого батальона, Шубин нашел под окном, выходящим на западную сторону цеха. Здесь командир батальона, свернувшись калачиком, спал под грохот разрывов, и был очень недоволен тем, что Шубин его разбудил. Спирягин, в отличие от Костюкова, оказался человеком неразговорчивым. Объяснять он ничего не объяснял, на вопросы отвечал односложно, так что Шубин от него мало что узнал. Единственное, чем сержант помог Шубину, это указал его позицию.

— Вот от этой стенки и дальше до конца цеха — все ваше, — сказал он. — Там через окно вылезешь, увидишь склад. Он тоже ваш. И трансформаторная будка за складом.

— А дальше, за будкой, какие части стоят? — спросил Шубин.

— Никакие не стоят, — ответил Спирыгин. — Там овраг здоровенный, от Волги до самого Мамаева кургана идет. А за оврагом другой полк стоит, не знаю какой.

Сказал — и замолчал, снова свернулся калачиком под окном и собрался спать. А Шубин собрал своих бойцов и повел их занимать огневые позиции.

В той части цеха, которую отвели Шубину, он нашел троих бойцов Спирыгина. И это на огромный цех длиной в двести с лишним метров! Эти солдаты обрадовались пополнению. Они тотчас собрались и ушли в левую часть цеха, к своему сержанту. А Шубин стал распределять своих людей. Он решил, что здесь, в цехе, оставит первую роту лейтенанта Гришина. Сам он вместе со второй ротой лейтенанта Либера перебрался на склад. Здесь же остались два взвода второй роты, а один взвод отправился защищать трансформаторную будку.

Размещение на позициях заняло почти час, до рассвета оставалось всего ничего. Глеб едва успел лечь в складе прямо на пол и часок подремать, как у него, как показалось, прямо над ухом раздалась автоматная очередь. Он вскочил, кинулся к окну — и увидел немецких автоматчиков, бегущих от соседнего здания к складу. Причем до этого здания было не больше 150 метров.

Впрочем, враги не застали роту врасплох — часовые уже вели огонь, к отражению атаки при-

соединялись все новые бойцы. Так для Шубина начался его первый боевой день в Сталинграде. И в этот день он сполна оценил заботу о нем сержанта Костюкова, давшего его бойцам возможность запастись водой. Начиная от самой первой немецкой атаки в семь утра бой не прекращался ни на минуту. Едва солдаты батальона отбили первую атаку, заставили врага отступить, как спустя несколько минут последовала вторая атака, потом третья... Немцы здесь вели себя совсем не так, как подо Ржевом, где раньше воевал Шубин. Там они старались беречь своих солдат, шли в наступление редкой цепью. Здесь солдат никто не жалел, и они лезли прямо на огонь батальона Шубина.

А когда немцы не атаквали, огонь по окнам склада вели снайперы. Так что бойцам ни в коем случае нельзя было подходить к окнам и дверям — это было смертельно опасно.

Так продолжалось почти до самого полудня. Между складом и соседним зданием уже лежали не менее двух десятков тел убитых врагов. Тут на какое-то время стрельба прекратилась. «Ага, не понравилось вам! — злорадно подумал Шубин. — Видите, что ничего не получается! Интересно, долгой ли будет эта передышка? Может, успею в цех сходить, посмотреть, как там дела у Гришина?»

И едва он об этом подумал, как послышался мощный рев мотора. И из-за угла ближайшего здания выползла немецкая самоходка. Шубин,

который уже умел разбираться во вражеской технике, определил, что это штурмовое самоходное орудие «Штурмпанцер-4». Это был грозный противник, мало чем отличавшийся от «Тигра», зато имевший более мощное орудие. Самоходка не стала приближаться к складу. Она остановилась метрах в восьмидесяти, и ее длинный ствол пришел в движение. Он повернулся вправо, влево...

— Ложись! — закричал Шубин бойцам. — Ближе к укрытию!

И, едва он произнес эти слова, как раздался выстрел. Снаряд влетел в угловое окно склада и разорвался внутри. На глазах у Шубина крыша склада подпрыгнула, часть ее обвалилась внутрь. Осколки снаряда с визгом разлетелись по всему помещению, убивая и ранив людей. А ствол чудовища снова повернулся; теперь он был направлен прямо в то окно, из которого вел огонь Шубин.

Капитан бросился в сторону и на пол. По пути он сгреб одного из своих бойцов, который стоял на коленях возле окна, готовясь вести огонь. Вдвоем с бойцом они упали между ящиками, остававшимися на складе, — и в этот момент раздался второй выстрел. Шубин вскочил и бросился назад к своему наблюдательному пункту. Он опасался, что под прикрытием артиллерийской стрельбы немецкая пехота снова пойдет в наступление, а они пропустят этот момент — и враг застанет их врасплох.

Однако пехота не появлялась. Тут немцы были верны себе: все действия совершались строго по военным нормативам. Имелся норматив, согласно которому пехота следует за наступающими танками. Но нигде в германских воинских уставах не говорилось, что пехота должна атаковать врага вместе с самоходными орудиями. Вот пехотинцы и ждали, когда артиллерия закончит свою работу.

Пехота не появлялась, но орудие останавливать стрельбу не собиралось. Оно сменило прицел и выстрелило в третий раз, по дальней части склада. А потом еще и еще... Шубин был уверен, что среди бойцов склада уже многие убиты и ранены. И если дать «Штурмпанцеру» вести огонь и дальше, погибнут все бойцы этой роты. Надо было что-то делать. Глеб обернулся к бойцу, вместе с которым бросился на пол.

— У тебя есть противотанковые гранаты? — спросил он.

Тот только покачал головой. Боец этот был на вид совсем мальчишка, и сейчас он был напуган.

Шубин обернулся в другую сторону, спросил одного бойца, другого. Противотанковых гранат не было ни у кого.

— Ладно, обойдемся и без гранат... — пробормотал Шубин.

Он огляделся вокруг. Капитан сам не знал, что хочет найти. Лом? Какой-то рычаг? Тут его взгляд упал на плащ-палатку лейтенанта Ли-

бера. Она была аккуратно свернута и лежала чуть в стороне. Шубин схватил скатку, выглянул в окно. Самоходка развернула башню еще правее и сейчас обстреливала трансформаторную будку.

— Тебя как зовут, солдат? — спросил Шубин спасенного им бойца.

— Петя Кольшкин, — ответил солдат.

— Вот что, Кольшкин, слушай команду. Когда я вылезу наружу, следи за самоходкой. Если она так и будет бить по будке — пускай бьет. А если повернется в нашу сторону, стреляй в нее, старайся попасть в смотровую щель.

— Но я не попаду, товарищ капитан, — возразил солдат. — Я не такой меткий.

— Ничего страшного, зато их внимание отвлечешь. Все, я пошел.

И Шубин, оставив в сторону автомат, налегке, с одной лишь скаткой в руке, скользнул за окно склада. Здесь он распластался на земле и пополз к самоходке. Ползти среди развалин было даже легче, чем в полях подо Ржевом: везде валялись обломки зданий, какие-то ящики, груды кирпича, за которыми можно было укрыться. Чем ближе Шубин подползал к цели, тем больше становилась самоходка; она выростала почти до неба. Как можно справиться с такой громадиной? Тем более что у него не было даже гранаты... Однако у Шубина был план.

Когда до самоходки оставалось метров двадцать, ее башня пришла в движение. Она повернулась в сторону капитана, установленный на ней пулемет стал выискивать его на земле. Однако Шубин был уже в непростреливаемой зоне. К тому же со стороны склада донеслись выстрелы, винтовочные пули звенели, попадая в броню самоходки. Это Петя Колышкин отвлекал на себя внимание экипажа орудия. И немцы поддались на уловку: орудие снова повернулось, уставившись в окно, из которого стрелял Петр.

«Надеюсь, на этот раз он сообразит отпрыгнуть», — успел подумать Шубин. Но вообще-то теперь он думал только о самоходке. Он был уже совсем близко, в двух-трех метрах. Тогда он распрямил скатку в руках и, когда подобрался к орудию вплотную, вскочил, забрался на броню — и набросил плащ-палатку на башню. При этом постарался расправить плащ так, чтобы он закрыл все смотровые щели.

Экипаж самоходки «ослеп» — орудие не могло двигаться, не могло вести огонь. А Шубин достал свой «ТТ», приставил ствол пистолета к одной из смотровых щелей и нажал на спусковой крючок. Он услышал, как внутри башни раздался крик. Тогда капитан перебрался к другой щели и произвел выстрел сквозь нее тоже.

Тут он услышал, как внизу, у днища, открывается водительский люк. Все правильно: эки-

паж не мог открыть верхний люк, этому мешала плащ-палатка. Поэтому немцы решили выбраться через нижний люк. Шубин поспешил на ту сторону, где находился люк, и увидел водителя, который первым покинул машину. В руках у немца был автомат. Дальнейшее решали мгновения. Глеб успел выстрелить первым.

Немец еще падал, когда Шубин уже оказался возле открытого люка. Выхватил из кармана противопехотную гранату — и швырнул ее в открытый люк. Раздался взрыв, из люка вылетели осколки и окровавленные клочья. И только теперь немецкая пехота спохватилась и начала обстреливать капитана. Тогда он укрылся за орудием, стащил с башни плащ-палатку лейтенанта Либера и побежал назад, к своим, стараясь все так же укрываться за самоходкой.

На складе его встретили с ликованием. Даже мрачный сержант Спирягин пришел со своего участка, чтобы сказать три слова: «Ну, ты молодец!» А потом, подумав, добавил:

— Сколько воюю, такого еще не видел.

Ну а потом поздравления закончились и бой возобновился. Немецкие автоматчики снова пошли в атаку, и надо было ее отбивать.

ГЛАВА 3

Бой, то затихая, то вновь разгораясь, шел до самой ночи. Когда стемнело и немецкое наступление остановилось, Шубин прошел по цеху и подсчитал потери. В первый же день боев в роте Либеры погибли 12 человек и 14 были тяжело ранены, так что им требовалась эвакуация. Причем самые большие потери рота понесла во время атаки самоходного орудия. В роте Григория Гришина потери были такие же, а в третьей роте, часть которой защищала трансформаторную будку, — еще ббольшими.

Шубин передал эти сведения в штаб полка, позаботился о том, чтобы раненым оказали первую помощь, после чего присел, чтобы отдохнуть и поесть. Только сейчас, ночью, он осознал, что за весь день у него во рту не было ни крошки хлеба. Днем он голода как-то не замечал — не до еды было. Сейчас же зверски хотел есть. Он, лейтенант Либер и несколько бойцов сели в кружок, открыли три банки тушенки и начали пировать. И по всему помещению склада образовались такие кружки. Только несколько часовых остались возле окон.

Впрочем, пировал Шубин недолго. Сначала он заметил, что часовой, стоявший на посту у двери склада, встал по стойке «смирно», кого-то приветствуя, а затем увидел гостей. В склад вошел высокий человек в офицерской шинели, а с ним — рядовой с автоматом и девушка с медицинской сумкой на плече. Заметив на погонах вошедшего майорские звезды, Шубин догадался, что его гость — командир полка Воробьев. Он встал, приветствуя командира.

— Так вот ты какой, капитан Шубин! — произнес Воробьев. — Мне уже Костюков о твоём подвиге доложил. А я это известие дальше передал, в штаб армии, самому Василию Ивановичу. Он велел передать тебе благодарность от командования. Раньше у нас такую операцию с самоходкой никто не проделывал. А что же ты сам мне сегодня ничего не докладывал? Или у тебя рация не работает?

— Рация? Нет, она работает... — неуверенно произнес Шубин. — То есть я не знаю, работает она или нет. Понимаете, товарищ майор, я о ней как-то забыл. Мне раньше не так часто приходилось иметь дело с рацией.

— Понимаю, твое дело было — разведка, — кивнул Воробьев. — Информацию ты устной речью доносил, своей или чужой. Но теперь тебе придется привыкать пользоваться связью. Вот, бери пример с Кати. Она техникой умеет пользоваться.

Пока они разговаривали, пришедшая вместе с командиром полка медсестра успела осмотреть всех раненых, уселась возле рации Шубина, связалась с кем-то из своих и теперь командовала:

— Всех санитаров сюда пришли! Слышишь, всех! Тут только в одной роте четырнадцать тяжелораненых. Нет, здешние, я думаю, помогут, но наших тоже давай.

Как только она заговорила, Шубин узнал ее голос: он уже слышал его накануне на берегу Волги, когда девушка распоряжалась погрузкой раненых на баржу. Но тогда он вообще не смог ее разглядеть. Теперь же, при свете коптилки, он смог отчасти различить черты ее лица. И, несмотря на копоть, покрывавшую лицо девушки, оно поразило Шубина — даже не красотой, а полнотой жизни, которой жило это лицо. Вот только цвет глаз Кати Шубин не мог различить: они были то ли черные, то ли карие, а может, вообще голубые.

Между тем командир полка прошелся по складу, успел выглянуть из каждого окна, после чего заявил:

— Очень удачно, что ты подбил эту самоходку как раз между немецкими позициями и нашими. Теперь она образует дополнительный пункт, где мы можем укрыться во время атаки.

— Вы сказали, во время атаки, товарищ майор? — удивился Шубин. — Значит, мы будем атаковать? Когда? Завтра?

— Да, будем, — ответил Воробьев. — И не завтра, а сегодня, через два часа. Я, собственно, для этого к тебе и пожаловал, чтобы организовать атаку. А ты думал, только для того, чтобы на тебя поглядеть? Ну, ты у нас пока не Утесов и не Шульженко, чтобы на тебя из штаба ходили смотреть. Скоро должны подойти бойцы из третьего батальона, и десяток ребят в резерве собрали. Попробуем вот тот дом у фрицев отбить. Так что ты заканчивай свой ужин — я вижу, тебе ужинать помешал, — и будем готовиться к штурму.

— Вас понял, товарищ майор, — сказал Шубин. — Не хотите ли вместе с нами поужинать?

— Спасибо за приглашение, но я перед выходом у себя на командном пункте уже поел, — ответил Воробьев. — А вот чаю с удовольствием попью, если угостите. Да, и не зови меня все время «товарищ майор». Меня зовут Федор Михайлович, можешь так ко мне обращаться.

После некоторых хлопот чай был организован — правда, в основном благодаря помощи сержанта Спирягина. У хозяйственного сержанта нашлись и котелок, и заварка. Вода в котелке начала закипать, когда в склад вошли шесть человек с тремя носилками, на которые стали укладывать троих раненых. Увидев такое малое число санитаров, Катя всплеснула руками:

— Почему же так мало прислали? Тут вон еще скольких нести надо!

— Попроси здешних, — посоветовал один из санитаров. — Пусть подключатся. Тогда в два приема всех отнесем.

Шубин кивнул Либеру, и тот выделил восемь бойцов своей роты, чтобы отнести раненых на берег. Шествие с ранеными удалилось, а Катя осталась: она продолжала хлопотать возле раненых. И когда Шубин пригласил ее попить с ними чай, только фыркнула в ответ.

— Вот у меня другого дела нет, как чай с вами распивать!

Шубин, на правах хозяина, разлил чай по кружкам. Все стали осторожно пить горячий чай, почти кипятком, а Глеб между тем спросил:

— Федор Иванович, а вы что, всегда атаки по ночам проводите или только сегодня?

— Уже месяц так делаем, — ответил майор. — Это идея Василия Ивановича Чуйкова, нашего командующего армией. Это он предложил устраивать позиции рядом с немецкими, не дальше броска гранаты. Тогда немецкая артиллерия не может наши позиции обстреливать, ибо того и гляди, по своим отработает. И он же придумал атаковать немцев по ночам. Они ночью воевать не любят — это вроде как не по уставу. А мы многое делаем не по уставу, и ничего. Они наших ночных атак боятся. На этом вот участке таких атак давно не было — у нас силы иссякли. Так что фрицы сегодня нашей атаки не ждут. И это позволяет нам

надеяться на успех в проведении операции. Ну что, у тебя все вопросы?

— Пожалуй, да, — сказал Шубин.

И едва он произнес эти слова, как в склад стали входить один за другим бойцы. Это и было обещанное Воробьевым подкрепление. Вслед за бойцами пришли санитары, которые погрузили на носилки оставшихся раненых. Вместе с санитарями ушла и Катя. Но перед уходом она обернулась и бросила на Шубина взгляд. Или ему это только показалось?

Воробьев, как видно, собирался сам командовать предстоящей ночной атакой. И не только командовать, но и участвовать в ней. Он собрал офицеров и поставил им задачу:

— Видите вон то трехэтажное здание напротив? Это бывшее заводууправление. Ты, Шубин, атакуешь правое крыло этого здания. Бойцы Спиригина возьмут на себя центральную часть здания, а солдаты Костюкова — левую. Никакого сигнала к атаке не будет, и вообще стараемся производить поменьше шума. Идем в атаку молча, пытаемся захватить фрицев врасплох. Я пойду в центре линии атаки, с бойцами Спиригина. Как увидите, что мы начали, — начинайте и вы тоже. Ориентировочное время начала атаки — два часа пятнадцать минут. Все ясно? Тогда расходимся по своим подразделениям и ставим задачу рядовым.

Шубин прошел по всем ротам своего батальона и разъяснил задачу предстоящей атаки. За-